

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х99

Cynthia Hand & Brodi Ashton & Jodi Meadows
MY LADY JANE

Copyright © 2016 by Cynthia Hand, Brodi Ashton,
and Jodi Meadows

Перевод с английского
А. Анастасьева

Художественное оформление
А. Ивановой

Хэнд, Синтия.

Х99 Моя леди Джейн / Синтия Хэнд, Броди Эштон,
Джоди Мидоуз ; [пер. с англ. А. Анастасьева]. — Мо-
сква : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-102785-8

Эдуард, юный король Англии, смертельно болен. Его последнее желание – поцеловать хорошенькую девушку. Но прежде необходимо выдать замуж шестнадцатилетнюю кузину, чтобы позаботиться о будущем страны.

Джейн Грей ценит свободу и не собирается связывать себя узами брака с незнакомцем, выбранным Эдуардом. Она – большая любительница книг, и ей куда интереснее погрузиться в очередной том «Полной истории возделывания свеклы».

Гиффорд Дадли – тот самый жених Джейн. На рассвете он превращается в коня, а на закате снова принимает обличье человека.

При дворе всегда есть предатели и те, кто плетет интриги. Эдуард, Джейн и Гиффорд будут втянуты в хитроумный заговор, который им предстоит раскрыть. Ведь на кону судьба всего королевства.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-102785-8

© А. Анастасьев, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Всем, кто точно знает: на той двери из «Титаника» хватило бы места для Леонардо Ди Каприо¹.

И Англии. Прости нас, пожалуйста, за все, что мы собираемся сотворить с твоей историей.

Что есть история, как не басня, в которую договорились поверить?

Наполеон Бонапарт

Корона принадлежит мне не по праву. Она не радует меня.

Леди Джейн Грей

¹Имеется в виду известный эпизод из фильма «Титаник» Джеймса Кэмерона, где герой Ди Каприо заставляет возлюбленную спастись на дрейфующей двери, а сам гибнет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*(в которой мы слегка
подправили историю)*

Пролог

Эта история, возможно, покажется вам знакомой. Она начинается так: жила-была шестнадцатилетняя девушка по имени Джейн Грей¹. Ее заставили выйти замуж за совершенно незнакомого человека (лорда Гиллфорда, или Гилфорда, или Гиффорда² — что-то в этом роде), и вскоре после этого она неожиданно оказалась правительницей целой страны. Королевой она пробыла девять дней. А затем в совершенно буквальном смысле потеряла голову.

Разумеется, это трагедия — если, конечно, вы находите отделение чьей-либо головы от тела трагическим событием (мы же просто рассказываем историю, и нам совершенно не хочется делать произвольные предположения относительно того, что читатель найдет трагичным, а что — просто неожиданным).

Собственно, мы собираемся рассказать другую историю.

Будьте внимательны. Незначительные детали мы подкорректировали. Основные — полностью исказили. Некоторые имена мы изменили, чтобы не опорочить людей невинных (или не таких уж невинных; или просто потому, что имя нам показалось дурацким и мы придумали получше). Ну и добавили волшебства, потому что так всегда интереснее. Так что тут у нас возможно все, что угодно.

¹Леди Джейн Грей (1537—1554) — некоронованная королева Англии с 10 по 19 июля 1553 г., т.н. «королева девяти дней», правнучка Генриха VII. Казнена по приказу Марии Тюдор.

²Гилфорд Дадли (1535—1554) — супруг леди Джейн Грей, казнен вместе с ней.

В общем, перед вами история Джейн в том виде, в каком, по нашему мнению, ей *следовало* состояться.

Начинается она в Англии (ну, или в альтернативной версии Англии — мы ведь манипулируем историей) в середине XVI века. Времена на дворе стояли непростые, особенно для тех, кому случилось родиться эзианином (на случай, если вы не знакомы с этим термином, поясним, что слово происходит от древнеанглийского корня *eðian*, что означает «дух»). Эзиан природа наградила (или наказала, это уж зависит от взгляда на вещи) способностью менять свой облик с человеческого на звериный и обратно. Например, некоторым было дано превращаться в кошек, что способствовало сильному сокращению крысиной популяции в Англии (правда, другие, в свою очередь, умели превращаться в крыс, так что сокращение было незаметно).

Одни люди считали эту «животную магию» потрясающим благом, но иные, разумеется, находили ее мерзостью, подлежащей скорейшему искоренению. Эти последние (известные как «единосущники») полагали, что человеческим существам нечего делать в ином обличье, кроме как в собственном, человеческом. А поскольку единосущники заправляли в ту эпоху всем, эзиан всячески преследовали и травили до тех пор, пока все они не вымерли или не ушли глубоко в подполье.

Вот в такой-то ситуации мы с вами и оказываемся при английском дворе одним судьбоносным днем, когда король Генрих VIII в приступе ярости превратился в огромного льва и сожрал своего шута — к вящему восторгу присутствовавших. Все они встретили эту сцену восторженными аплодисментами, поскольку шута никто не любил (позднее, когда придворные поняли, что произошедшее на их глазах было не заранее отрепетированным искусным трюком, но подлинным актом поглощения львом шута, они уже не склонны были аплодировать, а просто говорили со вздохом: «Этот клоун сам напросился»).

Тем же вечером король Генрих, вернувшись в свой человеческий облик, постановил считать, что эзиане, собственно говоря, не так уж плохи и впредь должны пользоваться всеми правами и привилегиями наравне с единосущниками. Это решение — реабилитировать древнее волшебство — про-

извело сильный эффект по всей Европе. Глава Единосуцной церкви выразил недовольство действиями Генриха, однако всякий раз, когда из Рима приходили полные горечи письма с осуждением королевского постановления, король (лев) просто съедал гонца вместе с посланием.

Отсюда пошла крылатая фраза: «Проглотить горькую пилюлю».

Когда Генрих VIII умер, престол унаследовал его единственный сын Эдуард. Тут и начинается наш рассказ — в весьма напряженное время, наполненное всевозрастающей враждебностью между эзианами и единосуцниками при правлении мало на что способного короля-подростка. Наши юный лорд и юная леди еще и понятия не имеют о том, что вскоре их судьбы пересекутся.

Причем совершенно против их воли.

ГЛАВА 1

Эдуард

Король, как выяснилось, медленно умирал.

— Сколько? — спросил он у мастера Бубу, своего личного лекаря. — Сколько мне осталось?

Бубу отер пот со лба. Меньше всего ему нравилось преподносить дурные новости августейшим особам. В его ремесле подобное вполне могло привести за решетку. А то и хуже.

— Год, возможно — два, — просипел врач. — В лучшем случае.

«Ерунда», — подумал Эдуард (вы ведь помните, что именно так звали короля). Он уже несколько месяцев хворает, но ведь ему шестнадцать лет. Не может быть, чтобы он вот так взял и умер. Подхватил простуду — делов-то. Ну, кашель что-то слишком долго не проходит, ну, теснит грудь, приступы лихорадки; да, конечно, частые головокружения, иногда странный привкус во рту, но смерть?

— Вы уверены? — спросил он.

Бубу кивнул.

— Увы, ваше величество. Это *грудной недуг*.

Ах, вот оно что.

Эдуард подавил приступ кашля. Он как-то сразу почувствовал себя хуже, чем всего лишь мгновением раньше, — словно его легкие подслушали ужасную новость и от этого сразу начали схлопываться. Король видел людей с *грудным недугом*, вечно харкающих в жуткие, перепачканные кровью носовые платки, ослабевших, дрожащих и в конце концов испрашивающих позволения удалиться от двора, чтобы не на глазах у дам умереть страшной смертью в хрипах.

— Вы... уверены? — спросил он снова.

Бубу потеревил воротник.

— Я приготовлю укрепляющие средства для уменьшения болей и сделаю все возможное, чтобы вы хорошо чувствовали себя до конца, но... да. Я уверен.

Конец. Как грозно звучало это слово.

— Но ведь...

Он еще столько всего хотел сделать в жизни. Во-первых, поцеловать девушку, хорошенькую девушку, подходящую девушку, *ту самую, что нужно*, и может быть, даже сплестая своим языком с ее (король слышал о новомодном способе целоваться, только недавно изобретенном во Франции). Он хотел наконец победить своего наставника по военным искусствам в фехтовании — ведь этот господин по прозвищу Удар единственный вечно забывал дать монарху одолеть себя. Он хотел объехать все свое королевство и попутешествовать по свету. Загнать на охоте какого-нибудь огромного славного зверя и водрузить его голову на стену в своих покоях. Хотел взобраться на вершину Скоффелл-Пайка¹ — то есть так высоко, как только можно в Англии, и, обозрев земли, лежащие у его ног, осознать: он господин этих земель.

Теперь ясно, что ничего из этого ему уже не суждено исполнить.

«Безвременно — вот как будут говорить люди, — подумалось ему. — Во цвете лет. Какая трагедия». В его ушах уже звенели слова будущих баллад, которые сочинят менестрели о нем, великом короле, ушедшем так рано:

Эдуарда закрыты земные пути.

Без легких не дышат, как ни крути.

— Я желаю выслушать мнение другого лекаря. Получше, — сказал Эдуард, и ладонь его, покоившаяся на подлокотнике трона, сжалась в кулак. Его вдруг зазнобило, и он, поевившись, теснее запахнул в меховую королевскую мантию.

— Разумеется, — произнес Бубу и попятился.

¹ Горная вершина на северо-западе Англии. Высота — 978 метров.

Пациент прочел в глазах врача страх и испытал острое желание бросить его в темницу назидания ради, ибо он, Эдуард, — король, а король всегда получает то, чего хочет, и король не желает умирать. Он прикоснулся к золотому кинжалу у себя за поясом, и Бубу отступил еще на шаг.

— Мне так жаль, государь, — промямлил старик, упершись взглядом в пол, — умоляю, не губите того, кто поднес вам горькую пилюлю.

Эдуард вздохнул. Увы, он хотел бы, но не мог, подобно отцу, принять облик льва и сожрать принесшего эту ужасную пилюлю. Насколько Эдуарду было известно, внутри него все не пряталось никакое животное.

— Ступайте, Бубу, — молвил он.

Лекарь издал вздох облегчения и опрометью бросился к дверям, оставив короля наедине с надвигающейся смертью.

— Жернова Господни... — пробормотал король: так в ту эпоху выражались люди, желая воскликнуть: «Вот дерьмо!» Умереть от *трудного недуга* — как это не по-королевски.

Позднее, когда новость о скорой кончине царствующего монарха распространилась при дворе, к нему поспешили сестры. Они нашли его сидящим на любимом месте — на подоконнике в одной из южных башен Гринвичского дворца. Свесив ноги наружу, он наблюдал за тем, как люди снуют туда-сюда внизу, во внутреннем дворе, и прислушивался к мерному гулу течения Темзы. Ему казалось, он вдруг постиг Смысл Жизни — Великую Тайну, которая, если поразмыслить, сводилась вот к чему...

Жизнь коротка, и в конце ты умираешь.

— Эдуард, — прошептала Бесс, присаживаясь рядом на подоконник. Ее губы дрожали от сострадания. — Братик, мне так жаль.

Он сделал попытку усмехнуться в ответ. Эдуард слыл мастером усмешек. Они представляли собой его наиболее тонко отточенный королевский навык — но на сей раз у него вышла лишь жалкая вялая гримаса.

— Значит, вы уже слышали. — Он постарался придать голосу оттенок беззаботности. — Естественно, я собираюсь пригласить еще одного врача. Не чувствую себя умирающим.

— О, Эдди, дорогой мой, — сглотнула Мария, прижимая кружевной край носового платка к уголку глаза. — Мой милый, любимый мальчик. Бедный маленький птенчик.

На секунду Эдуард прикрыл глаза. Ему не нравилось, когда его называли «Эдди» и говорили с ним, как с малышом в коротких штанишках, но от Марии он это терпел. Ему всегда было немного жаль сестер — из-за того, что отец объявил их обеих незаконнорожденными и все такое. В тот самый год, когда отец открыл в себе звериное обличье — в народной памяти он остался как Год Льва, — Генрих VIII решил также, что отныне все правила жизни устанавливает только король. Он аннулировал свой брак с матерью Марии и отправил ее до конца дней в монастырь — все это, чтобы жениться на матери Бесс, одной из красоток фрейлин. Однако когда жена №2 не смогла подарить мужу сына-наследника и повсюду распространились слухи о том, что, будучи эзианкой, королева Анна частенько обращается в черную кошку и бесшумно прокрадывается по лестницам замка в спальню покои придворного менестреля, король без колебаний велел отрубить ей голову. У жены №3 (матери Эдуарда) все сложилось правильно, а именно: она, во-первых, родила ребенка с правильным набором гениталий для того, чтобы в дальнейшем править Англией, и во-вторых, не задержалась, чтобы насладиться торжеством, а быстро скончалась. Король Генрих в дальнейшем имел еще трех жен (брак с одной был также объявлен недействительным, вторая — казнена и, наконец, последней — ха-ха — повезло пережить супруга), но детей больше не появилось.

Таким образом, их осталось трое королевских потомков — Мария, Бесс и Эдуард, — трое носителей как бы особого клейма в этой мозаичной семье. Ведь их общий отец, вероятно, был безумен и уж точно опасен не только в виде льва, а разные матери — мертвы или сосланы. Они всегда неплохо ладили между собой — вероятно, потому, что не имелось никаких сомнений относительно того, кому носить корону. Естественно, Эдуарду — он мальчик, ему и играть мужскую роль.

На престол он вступил девяти лет от роду, так что время, когда не был королем, Эдуард мог припомнить лишь смутно и до сегодняшнего дня считал, что пурпурная мантия от-